

НА ЛЬДИНЕ

Зимой море замёрзло. Рыбаки всем колхозом собрались на лёд ловить рыбу. Взяли сети и поехали на санях по льду. Поехал и рыбак Андрей, а с ним его сынишка Володя. Выехали далеко-далеко. И куда кругом ни глянь, всё лёд и лёд: это так замёрзло море. Андрей с товарищами заехал дальше всех. Наделали во льду дырок и сквозь них стали запускать сети. День был солнечный, всем было весело. Володя помогал выпутывать рыбу из сетей и очень радовался, что много ловилось. Уже большие кучи мороженой рыбы лежали на льду. Володин папа сказал:

— Довольно, пора по домам.

Но все стали просить, чтобы остаться ночевать и с утра снова ловить. Вечером поели, завернулись поплотней в тулупы и легли спать в санях. Володя прижался к отцу, чтоб было теплей, и крепко заснул.

Вдруг ночью отец вскочил и закричал:

— Товарищи, вставайте! Смотрите, ветер какой! Не было бы беды!

Все вскочили, забегали.

— Почему нас качает? — закричал Володя.

А отец крикнул:

— Беда! Нас оторвало и несёт на льдине в море.

Все рыбаки бегали по льдине и кричали:

— Оторвало, оторвало!

А кто-то крикнул:

— Пропали!

Володя заплакал. Днём ветер стал ещё сильнее, волны набегали на льдину, а кругом было только море. Володин папа связал из двух шестов мачту, привязал на конце красную рубаху и поставил, как флаг. Все глядели, не видать ли где парохода. От страха никто не хотел ни есть, ни пить. А Володя лежал в санях и смотрел в небо: не глянет ли солнышко. И вдруг в прогалине между туч Володя увидел самолёт и закричал:

— Самолёт! Самолёт!

Все стали кричать и махать шапками. С самолёта упал мешок. В нём была еда и записка: «Держитесь! Помощь идёт!» Через час пришёл пароход и перегрузил к себе людей, сани, лошадей и рыбу. Это начальник порта узнал, что на льдине унесло восьмерых рыбаков. Он послал им на помощь пароход и самолёт. Лётчик нашёл рыбаков и по радио сказал капитану парохода, куда идти.

ПОЧТА

На севере, где живут ненцы, даже весной, когда уже всюду стаял снег, всё ещё стоят морозы и бывают сильные метели.

Вот раз весной ненецкий почтальон должен был везти почту из одного ненецкого села в другое. Недалеко — всего тридцать километров.

У ненцев очень лёгкие санки — нарты. В них они запрягают оленей. Олени мчат вихрем, быстрее всяких лошадей.

Почтальон вышел утром, посмотрел на небо, помял рукой снег и подумал: «Будет метель с полдня. А я сейчас запрягу и успею проскочить раньше метели».

Он запряг четырёх лучших своих оленей, надел на себя малицу — меховой халат с капюшоном, меховые сапоги и взял в руки длинную палку. Этой палкой он будет погонять оленей, чтоб они шибче бежали.

Почтальон привязал почту покрепче к нартам, вскочил на сани, сел бочком и пустил оленей во весь дух.

Он уже выезжал из села, как вдруг навстречу — его сестра. Она замахала руками и крикнула:

— Стой!

Почтальон рассердился, а всё-таки остановил. Сестра стала просить почтальона, чтоб он захватил с собой её дочку к бабушке. Почтальон крикнул:

— Скорей! А то метель будет.

Но сестра долго провозилась, пока кормила и собирала девочку. Почтальон посадил девочку перед собой, и олени помчались. А почтальон ещё подгонял их, чтобы успеть проехать до метели.

С полпути начал дуть ветер — прямо навстречу. Было солнце, и снег блестел, а тут вдруг стемнело, снег закружился, и не стало даже видно передних оленей.

Олени начали вязнуть в снегу и остановились.

Почтальон отпряг оленей, сани поставил стоймя, привязал к ним свою длинную палку, а к концу палки привязал девочкин пионерский галстук. А сам обтопал место около саней, положил туда почту, уложил оленей, лёг и прижался к ним с девочкой. Их скоро занесло снегом, а почтальон раскопал под снегом пещеру, и вышло как снежный дом. Там было тихо и тепло.

А в том селе, куда ехал почтальон, увидали, что метель, а его нет, и спросили по телефону, выехал ли он. И все поняли, что почтальона захватила метель. Ждали, когда метель пройдёт.

На другой день метель всё не утихала, но снег летал ниже. На оленях нельзя было ехать искать почтальона, проехать могли только аэросани. Они — как домик на полозьях, а бегут вперёд потому, что у них есть мотор. Мотор вертит воздушный винт, такой, как у самолёта.

В аэросани сели доктор, шофёр и два человека с лопатами. И аэросани побежали по той дороге, где ехал почтальон.

Вдруг над низкой метелью, как будто флаг из воды, увидели палку с пионерским галстуком.

Аэросани подъехали и остановились. Сейчас же раскопали почтальона, девочку и оленей. Почтальон сразу спросил:

— А еду привезли? Девочка плачет.

— Даже горячую, — сказал доктор и отнёс девочку в аэросани.

Пока почтальон и девочка обогривались, прошла метель.

МЕДВЕДЬ

В Сибири, в дремучем лесу, в тайге, жил охотник-тунгус со всей семьёй в кожаной палатке. Вот раз вышел он из дому дров наломать, видит: на земле следы лося-сохатого. Обрадовался охотник, побежал домой, взял своё ружьё да нож и сказал жене:

— Скоро назад не жди — за сохатым пойду.

Вот пошёл он по следам, вдруг видит ещё следы — медвежьи. И куда ведут сохатого следы, туда и медвежьи ведут.

«Эге, — подумал охотник, — я не один за сохатым иду, впереди меня медведь сохатого гонит. Мне их не догнать. Медведь раньше меня сохатого поймает».

Всё-таки охотник пошёл по следам. Долго шёл, уж весь запас съел, что с собой из дому захватил, а всё идёт да идёт. Следы стали подыматься в гору, а лес не редееет, всё такой же густой.

Изголодался, измучился охотник, а всё идёт и под ноги себе смотрит, как бы следы не потерять. А по пути сосны лежат, бурей наваленные, камни, травой заросшие. Устал охотник, спотыкается, еле ноги тянет. А всё глядит: где трава примята, где оленьим копытом земля продавлена?

«Высоко я уж забрался, — думает охотник, — где конец этой горы».

Вдруг слышит: кто-то чавкает. Притаился охотник и пополз тихонько. И забыл, что устал, откуда силы

взялись. Полз, полз охотник и вот видит: совсем редко стоят деревья, и тут конец горы — она углом сходится — и справа обрыв, и слева обрыв. А в самом углу лежит большущий медведь, гложет сохатого, ворчит, чавкает и не чует охотника.

«Ага, — подумал охотник, — ты сюда сохатого загнал, в самый угол, и тут его заел. Стой же!»

Поднялся охотник, присел на колено и стал целиться в медведя.

Тут медведь его увидел, испугался, хотел бежать, добежал до края, а там обрыв. Заревел медведь. Тут охотник выпалил в него из ружья и убил.

Охотник содрал с медведя шкуру, а мясо разрезал и повесил на дерево, чтоб волки не достали. Поел охотник медвежьего мяса и скорей домой.

Сложил палатку и со всей семьёй пошёл, где оставил медвежье мясо.

— Вот, — сказал охотник жене, — ешьте, а я отдохну.

ГАЛКА

У брата с сестрой была ручная галка. Она ела из рук, давалась гладить, улетала на волю и назад прилетала.

Вот раз сестра стала умываться. Она сняла с руки колечко, положила на умывальник и намылила лицо мылом. А когда она мыло сполоснула — поглядела: где колечко? А колечка нет.

Она крикнула брату:

— Отдай колечко, не дразни! Зачем взял?

— Ничего я не брал, — ответил брат.

Сестра поссорилась с ним и заплакала.

Бабушка услышала.

— Что у вас тут? — говорит. — Давайте мне очки, сейчас я это кольцо найду.

Бросились искать очки — нет очков.

— Только что на стол их положила, — плачет бабушка. — Куда им деться? Как я теперь в иголку вдену?

И закричала на мальчика.

— Твои это дела! Зачем бабушку дразнишь?

Обиделся мальчик, выбежал из дому. Глядит — а над крышей галка летает, и что-то у ней под клювом блестит. Пригляделся — да это очки! Спрятался мальчик за дерево и стал глядеть. А галка села на крышу, огляделась, не видит ли кто, и стала очки на крыше клювом в щель запихивать.

Вышла бабушка на крыльцо, говорит мальчику:

— Говори, где мои очки?

— На крыше! — сказал мальчик.

Удивилась бабушка. А мальчик полез на крышу и вытащил из щели бабушкины очки. Потом вытащил оттуда и колечко. А потом достал стёклышек, а потом разных денежек много штук.

Обрадовалась бабушка очкам, а сестра колечку и сказала брату:

— Ты меня прости, я ведь на тебя подумала, а это галка-воровка.

И помирились с братом.

Бабушка сказала:

— Это всё они, галки да сороки. Что блестит, всё тащат.

ВЕЧЕР

Идёт корова Маша искать сына своего, телёнка Алёшку. Не видать его нигде. Куда он запропастился? Домой уж пора.

А телёнок Алёшка набегался, устал, лёг в траву. Трава высокая — Алёшку и не видать.

Испугалась корова Маша, что пропал её сын Алёшка, да как замычит что есть силы:

— Му-у!

Услыхал Алёшка мамин голос, вскочил на ноги и во весь дух домой.

Дома Машу подоили, надоили целое ведро парного молока. Налили Алёшке в плошку:

— На, пей, Алёшка.

Обрадовался Алёшка — давно молока хотел, — всё до дна выпил и плошку языком вылизал.

Напился Алёшка, захотелось ему по двору пробежаться. Только он побежал, вдруг из будки выскочил щенок — и ну лаять на Алёшку. Испугался Алёшка: это, верно, страшный зверь, коли так лает громко. И бросился бежать.

Убежал Алёшка, и щенок больше лаять не стал. Тихо стало кругом.

Посмотрел Алёшка — никого нет, все спать пошли. И самому спать захотелось. Лёг и заснул во дворе.

Заснула и корова Маша на мягкой траве.

Заснул и щенок у своей будки — устал, весь день лаял.

Заснул и мальчик Петя в своей кроватке — устал, весь день бегал.

А птичка давно уж заснула.

Заснула на ветке и головку под крыло спрятала, чтоб теплей было спать.

Тоже устала. Весь день летала, мошек ловила.

Все заснули, все спят.

Не спит только ветер ночной.

Он в траве шуршит и в кустах шелестит.

ХРАБРЫЙ УТЁНОК

Каждое утро хозяйка выносила утятам полную тарелку рубленых яиц. Она ставила тарелку возле куста, а сама уходила.

Как только утята подбегали к тарелке, вдруг из сада вылетала большая стрекоза и начинала кружиться над ними.

Она так страшно стрекотала, что перепуганные утята убегали и прятались в траве. Они боялись, что стрекоза их всех перекушает.

А злая стрекоза садилась на тарелку, пробовала еду и потом улетала.

После этого утята уже целый день не подходили к тарелке. Они боялись, что стрекоза прилетит опять. Вечером хозяйка убирала тарелку и говорила:

— Должно быть, наши утята заболели, что-то они ничего не едят.

Она и не знала, что утята каждый вечер голодные ложились спать.

Однажды к утятам пришёл в гости их сосед, маленький утёнок Алёша. Когда утята рассказали ему про стрекозу, он стал смеяться.

— Ну и храбрецы! — сказал он. — Я один прогону эту стрекозу. Вот вы увидите завтра.

— Ты хвастаешь, — сказали утята, — завтра ты первый испугаешься и побежишь.

На другое утро хозяйка, как всегда, поставила на землю тарелку с рублеными яйцами и ушла.

— Ну, смотрите, — сказал смелый Алёша, — сейчас я буду драться с вашей стрекозой.

Только он сказал это, как вдруг зажужжала стрекоза. Прямо сверху она полетела на тарелку.

Утята хотели убежать, но Алёша не испугался. Не успела стрекоза сесть на тарелку, как Алёша схватил её клювом за крыло. Насилу она вырвалась и с поломанным крылом улетела.

С тех пор она никогда не прилетала в сад, и утята каждый день наедались досыта. Они не только ели сами, но и угощали храброго Алёшу за то, что он спас их от стрекозы.

ОХОТНИК И СОБАКИ

Рано утром встал охотник, взял ружьё, патроны, сумку, позвал своих двух собак и пошёл стрелять зайцев.

Был сильный мороз, но ветра совсем не было. Охотник шёл на лыжах и разогрелся от ходьбы. Ему было тепло.

Собаки забегали вперёд и выгоняли на охотника зайцев. Охотник ловко стрелял и набил пять штук. Тут он заметил, что зашёл далеко.

«Пора и домой, — подумал охотник. — От моих лыж видны следы, и, пока не стемнело, я по следам дойду домой. Перейду овраг, а там уже недалеко».

Он спустился вниз и увидел, что в овраге черным-черно от галок. Они сидели прямо на снегу. Охотник понял, что дело неладно.

И верно: он только вышел из оврага, как задул ветер, пошёл снег, и началась метель. Впереди ничего не было видно, следы запорошило снегом.

Охотник свистнул собак.

«Если собаки не выведут меня на дорогу, — подумал он, — я пропал. Куда идти, я не знаю, заблужусь, занесёт меня снегом, и я замёрзну».

Пустил он собак вперёд, а собаки отбегут пять шагов — и охотнику не видно, куда за ними идти. Тогда он снял пояс, отвязал все ремешки и верёвки, какие

на нём были, привязал собак за ошейник и пустил вперёд. Собаки его потащили, и он на лыжах, как на санях, приехал к себе в деревню.

Он дал каждой собаке по целому зайцу, потом разулся и лёг на печь. А сам всё думал: «Кабы не собаки, пропал бы я сегодня».

ПУДЯ

Теперь я большой, а тогда мы с сестрой были ещё маленькие.

Вот раз приходит к отцу какой-то важный гражданин. Страшно важный. Особенно шуба. Мы подглядывали в щёлку, пока он в прихожей раздевался. Как распахнул шубу, а там жёлтый пушистый мех, и по меху всё хвостики, хвостики... Черноватенькие хвостики. Как будто из меха растут. Отец раскрыл в столовую двери:

— Пожалуйста, прошу.

Важный — весь в чёрном, и сапоги начищены. Прошёл, и двери заперли.

Мы выкрались из своей комнаты, подошли на цыпочках к вешалке и гладим шубу. Щупаем хвостики. В это время приходит Яшка, соседний мальчишка, рыжий. Как был, в валенках впёрся и в башлыке.

— Вы что делаете?

Таня держит хвостик и спрашивает тихо:

— А как по-твоему: растёт так из меха хвостик или потом приделано?

А Рыжий орёт, как во дворе:

— А чего? Возьми да попробуй.

Таня говорит:

— Тише, дурак: там один важный пришёл.

Рыжий не унимается:

— А что такое? Говорить нельзя? Я не ругаюсь.

С валенок снег не сбил и следит мокрым.

— Возьми да потяни, и будет видать. Дура какая! Видать бабу... Вот он так сейчас... — И Рыжий кивнул мне и мигнул лихо.

Я сказал:

— Ну да, баба, — и дёрнул за хвостик.

Не очень сильно потянул: только начал. А хвостик — пак! — и оторвался.

Танька ахнула и руки сложила. А Рыжий стал кричать:

— Оторвал! Оторвал!

Я стал совать скорей этот хвостик назад в мех: думал, как-нибудь да пристанет. Он упал и лёг на пол. Такой пушистенький лежит. Я схватил его, и мы все побежали к нам в комнату. Танька говорит:

— Я пойду к маме, реветь буду — ничего, может, и не будет.

Я говорю:

— Дура, не смей! Не говори. Никому не смей!

Рыжий смеётся, проклятый. Я сую хвостик ему в руку:

— Возьми, возьми, ты же говорил...

Он руку отдёнул:

— Что ж, что говорил! А рвал-то не я! Мне какое дело!

Подтёр варежкой нос — и к двери.

Я Таньке говорю:

— Не смей реветь, не смей! А то сейчас спрашивать начнут, и всё пропало.

Она говорит и вот-вот заревёт:

— Пойдём посмотрим, может быть, незаметно? Вдруг незаметно?

Я держал хвостик в кулаке. Мы пошли к вешалке. И вот все ровно-ровно идут хвостики, довольно густовато, а тут пропуск, пусто. Видно, сразу видно, что не хватает.

Я вдруг говорю:

— Я знаю: приклеим.

А клей у папы на письменном столе, и если будешь брать, то непременно спросят, зачем. А потом, там в кабинете сидит этот важный, и входить нельзя.

Танька говорит:

— Запрячем, лучше запрячем, только скорей! Подальше, в игрушки.

У Таньки были куклы, кукольные кровати. Нет, туда нельзя. И я засунул хвостик в поломанный паровоз, в середину.

Мы взялись за кукол и очень примерно играли в гости, как будто бы на нас всё время кто смотрит, а мы показываем, как мы хорошо играем.

В это время слышим голоса. Важный гудит басом. И вот уж они в прихожей, и горничная Фрося затопала мимо и говорит скоренько:

— Сейчас, сейчас, шубу подам.

Мы так с куклами и замерли, еле руками шевелим.

Таня дрожит и бормочет за куклу:

— Здравствуйте! Как вы поживаете? Сколько вам лет? Как вы поживаете? Сколько вам лет?

Вдруг дверь к нам открывается: отец распахнул.

— А вот это, — говорит, — мои сорванцы.

Важный стоит в дверях, чёрная борода круглая, мелким барашком, и улыбается толстым лицом.

— А, молодое поколение!

Ну, как все говорят.

А за ним стоит Фроська и держит шубу нараспашку. Отец нахмурился, мотнул нам головой. Танька сделала кривой реверанс, а я что было силы шаркнул ножкой.

— Играете? — сказал важный и вступил в комнату.

Присел на корточки, взял куклу. И я вижу, в дверях дура Фроська стоит и растянула шубу, как будто нарочно распялила, и показывает. И это пустое место без хвостика так и светит. Важный взял куклу и спрашивает:

— А эту барышню как же зовут?

Мы оба крикнули в один голос:

— Варя!

Важный засмеялся:

— Дружно живёте.

И видит вдруг — у Таньки слёзы на глазах.

— Ничего, ничего, — говорит, — я не испорчу.

И скорей подал пальчиками куклу. Поднялся и потрепал Таню по спине. Он пошёл прямо к шубе, но смотрел на отца и не глядя стал попадать в рукава. Запахнул, шубу; Фроська подсовывает глубокие каалоши.

Не может быть, чтобы отец не заметил. Но отец очень весёлый вошёл к нам и сказал смеясь:

— Зачем же конём таким?

И представил, как я шаркнул.

В этот день мы с Танькой про хвостик не говорили. Только когда пили вечером чай, то всё переглядывались через стол, и оба знали, что про хвостик.

Я даже раз, когда никто не глядел, обвёл пальцем на скатерти, как будто хвостик. Танька видела и сейчас же уткнулась в чашку.

Потом мне стало весело. Я поймал Ребика, нашу собаку, зажал его хвост в кулак, чтоб из руки торчал только кончик, и показал Таньке. Она замахала руками и убежала.

На другой день, как проснулся, вспомнил сейчас же хвостик. И стало страшно: а ну как важный только для важности в гостях и не глядит даже на шубу, а дома-то небось каждый хвостик переглаживает? Даже, наверно, наизусть знает, сколько их счётом. Гладит и считает: раз, два, три, четыре... Вскочил с постели, подбежал к Таньке и шепчу ей под одеяло в самое ухо:

— Он, наверно, дома пересчитает хвостики и узнает. И пришлёт сюда человека с письмом. А то сам приедет.

Танька вскочила и шепчет:

— Чего ж там считать, и так видно: вот такая пустота! — И обвела пальцем в воздухе большой круг.

Мы на весь день притихли и от каждого звонка прятались в детскую и у дверей слушали: кто это, не за хвостиком ли?

Несколько дней мы так боялись.

А потом я говорю Таньке:

— Давай посмотрим.

Как раз никого в квартире не было, кроме Фроськи. Заперли двери, и я тихонько вытянул из паровоза хвостик. Я и забыл, какой он хорошенький, пушистый.

Таня положила его к себе на колени и гладит.

— Пудя какой, — говорит. — Это собачка кукольная.

И верно. Хвостик в паровозе загнулся, и совсем будто собака свернулась и лежит с пушистым хвостом.

Мы сейчас же положили его на кукольный диван, примерили. Ну и замечательно!

Танька закричала:

— Брысь, брысь сейчас! Не место собакам на диване валяться!

И скинула Пудю. А я его Варьке на кровать.

А Танька:

— Кыш, кыш! Вон, Пудька! Блох напустишь...

Потом посадили Пудю Варьке на колени и любовались издали: совсем девочка с собачкой.

Я сейчас же сделал Пуде из тесёмочки ошейник, и получилось совсем как мордочка. За ошейник привязали Пудю на верёвочку и к Варькиной руке. И Варьку водили по полу гулять с собачкой.

Танька кричала:

— Пудька, тубо!

Я сказал, что склею из бумажек Пуде намордничек.

У нас была большая коробка от гильз. Сделали в ней дырку. Танька намостила тряпок, и туда посадили Пудю, как в будку. Когда папа позвонил, мы спрятали коробку в игрушки. Забросали всяким хламом. Приходил к нам Яшка рыжий, и мы клали Пудю Ребику на спину и возили по комнате — играли в цирк.

А раз, когда Рыжий уходил, он нарочно при всех стал в сенях чмокать и звать:

— Пудя! Пудька! — И хлопал себя по валенку.

Прибежал Ребик, а Яшка при папе нарочно кричит:

— Да не тебя, дурак, а Пудю. Пудька! Пудька!

Папа нахмурился:

— Какой ещё Пудька там? — И осматривается.

Я сделал Яшке рожу, чтобы уходил. А он мигнул и язык высунул. Ушёл всё-таки.

Мы с Таней сговорились, что с таким доносчиком не будем играть и водиться не будем. Пусть придёт — мы в своей комнате закрёмся и не пустим. Я забил сейчас же гвоздь в притолоку, чтобы завязывать верёвкой ручку. Я завязал, а Таня попробовала из прихожей. Здорово держит. Потом Танька запиралась, а я ломился: никак не открыть. Как на замке. Родовались, ждали — пусть только Рыжий придёт.

Я Пуде ниточкой замотал около кончика, чтобы хвостик отделялся. Мы с Таней думали, как сделать ножки — тогда совсем будет живой.

А Рыжий на другой же день пришёл. Танька прибежала в комнату и шёпотом кричит:

— Пришёл, пришёл!

Мы вдвоём дверь захлопнули, как из пушки, и сейчас же на верёвочку.

Вот он идёт... Толкнулся... Ага! Не тут-то было. Он опять.

— Эй, пустите, чего вы?

Мы нарочно молчим. Он давай кулаками дубасить в дверь:

— Отворяй, Танька!

И так стал орать, что пришла мама:

— Что у вас тут такое?

Рыжий говорит:

— Не пускают, черти!

— А коли черти, — говорит мама, — так зачем же ты к чертям ломишься?

— А мне и не их вовсе надо, — говорит Рыжий, — я Пудю хочу посмотреть.

— Что? — мама спрашивает. — Пудю? Какого такого?

Я стал скорей отматывать верёвку и раскрыл дверь.

— Ничего, — кричу, — мама, это мы так играем! Мы в Пудю играем. У нас игра, мама, такая...

— Так орать-то на весь дом зачем? — И ушла.

Рыжий говорит:

— А вы, дьяволы, вот как? Запираться? А я вот сейчас пойду всем расскажу, что вы хвостик оторвали. Человек пришёл к отцу в гости. Может, даже по делу какому. Повесил шубу, как у людей, а они рвать, как собаки. Воры!

— А кто говорил: «Дёрни, дёрни»?

— Никто ничего и не говорил вовсе, а если каждый раз по хвостику да по хвостику, так всю шубу выщипаете.

Танька чуть не ревёт.

— Тише, — говорит, — Яша, тише!

— Чего тише? — кричит Рыжий. — Чего мне тише? Я не вор. Пойду и скажу.

Я схватил его за рукав.

— Яша, — говорю, — я тебе паровоз дам. Это ничего, что крышка отстала. Он ходит полным ходом, ты же знаешь.

— Всякий хлам мне суешь, — заворчал Рыжий.

Но хорошо, что кричать-то перестал. Потом поднял с пола паровоз.

— Колесо, — говорит, — проволокой замотал и тычешь мне.

Посопел, посопел...

— С вагоном, — говорит, — возьму, а так — на черта мне этот дом!

Я ему в бумагу замотал и паровоз и вагон, и он сейчас же ушёл через кухню, а в дверях обернулся и крикнул:

— Всё равно скажу, хвостодёры!

Потом мы с Таней гладили Пудю и положили его спать с Варькой под одеяло. Танька говорит:

— Чтоб ему теплей было.

Я сказал Таньке, что Рыжий всё равно обещал сказать. И мы всё думали, как нам сделать. И вот что выдумали.

Самое лучшее попасть бы в такое время, когда папа будет весёлый, — после обеда, что ли. Положить Пудю на платочек на носовой, взять за четыре конца и войти в столовую каким-нибудь смешным вывертом. И петь что-нибудь смешное при этом. Как-нибудь:

Пудю несём,
Пахнем гусём.

И ещё там что-нибудь. Все засмеются, а мы ещё больше запоём — и к папе. Папа: «Что это вы, дураки?» — и засмеётся. А тут мы как-нибудь кривульно расскажем, и всё сойдёт. Папе, наверно, даже жалко будет отбирать от нас Пудю.

Или вот ещё: на Ребика положим и вывезем. И тоже смешное будем петь. Рыжий придёт ябедничать, а все уж и без него знают, и ничего не было. Запрёмся, как тогда, и пускай скандалит. Мама его за ухо выведет, вот и всё.

Я ещё в кровати думал, что я устрою Яшке рыжему.

Утром мы все пили чай. Вдруг вбегает Ребик, рычит и что-то в зубах треплет.

Папа бросился к нему:

— Опять что-нибудь! Тубо, тубо! Дай сюда!

А я сразу понял — что, и в животе похолодело.

Папа держит замусоленный хвостик и, нахмурясь, говорит:

— Что это? Откуда такое?

Мама поспешила, взяла осторожно пальчиками. Ребик визжит, подскакивает, хочет схватить.

— Тубо! — крикнул папа и толкнул Ребика ногой.

Поднесли к окну, и вдруг мама говорит:

— Это хвостик. Это от шубы.

Папа вдруг как будто задохнулся сразу и как крикнет:

— Это чёрт знает что такое!..

Я вздрогнул. А Танька всхлипнула — она с булкой во рту сидела. Папа затопал к Ребику:

— Эту собаку убить надо! Это дьявол какой-то!

Ребик под диван забился.

— Раз уж пришлось за штаны платить... Ах ты, дрянь эдакая! Теперь шубы, за шубы взялся!..

И папа вытянул за ошейник Ребика из-под дивана. Ребик выл и корчился. Знал, что сейчас будут бить. Танька стала реветь в голос. А отец кричит мне:

— Принеси ремень! Моментально!

Я бросился со стула, совался по комнатам.

— Моментально! — заорал отец на всю квартиру злым голосом. — Да свойними, болван! Живо!

Я снял пояс и подал отцу. И папа стал изо всей силы драть ремнём Ребика. Танька выбежала. Папа тычет Ребика носом в хвостик — он на полу валялся — и бьёт, бьёт:

— Шубы рвать! Шубы рвать! Я те дам шубы рвать!

Я даже не слышал, что ещё там папа говорил, — так орал Ребик, будто с него живого шкуру сдирают. Я думал, вот умрёт сейчас. Фроська в дверях стояла, ахала.

Мама только вскрикивала:

— Оставь! Убьёшь! Николай, убьёшь! — Но сунуться боялась.

— Верёвку! — крикнул папа. — Афросинья, верёвку!

— Не надо, не надо, — говорит Фроська.

Папа как крикнет:

— Моментально!

Фроська бросилась и принесла бельевую верёвку.

Я думал, что папа сейчас станет душить Ребика верёвкой. Но папа потащил его к окну и привязал за ошейник к оконной задвижке. Потом, подняв хвостик, привязал его на шнурок от штор и перекинул через оконную ручку.

— Пусть видит, дрянь, за что драли. Не кормить, не отвязывать.

Папа был весь красный и запыхался.

— Эту дрянь нельзя в доме держать. Собачникам отдам сегодня же! — И пошёл мыть руки. Глянул на

часы. — А, чёрт! Как я опоздал! — И побежал в прихожую.

Пудю Ребик всего заслужил, он был мокрый и взъерошенный, и как раз поперёк живота туго перехватил его папа шнурком. Он висел вниз головой, потому что видно было сверху перехват хвостика, который я там намотал из ниток. Если б отец тогда хорошенько разглядел, так увидал бы всё и догадался бы, что всё это не без нас. Да и теперь всё равно могут увидеть. Как станут важному назад отсылать хвостик, начнут его чистить — вдруг нитки. Откуда нитки? А уж Ребика всё равно побили...

Я сказал Таньке, чтобы украла у мамы маленькие ногтяные ножнички, улучил время, влез на подоконник и тихонько ножничками обрезал нитки. Всё-таки осталось вроде шейки, и я распушил там шерсть, чтоб ничего не было заметно.

Ребик подвывал, подрагивал и всё лизал задние лапы. Мы с Танькой сели к нему на пол и все его ласкали. Танька приговаривает:

— Ребинька, миленький, били тебя! Бедная моя собака!

Стала реветь. И я потом заревел.

— Отдадут, — говорю, — собачникам. Папа сказал, что отдаст. На живодёрню.

И представилось, как придёт собачник, накинёт Ребичке петлю на шею и потянет. Как ни упирайся, всё равно потянет. А потом так, на петле, с размаху — брык в фургон со всей силы. А там на живодёрне будут резать. Для чего-то там живых режут, мне говорили.

Потом мы у Фроськи выпросили мяса — Танька под юбкой мимо мамы пронесла — и скормили Ребику. А зачем ему есть? Ведь так только, всё равно на живодёрню.

И мы с Танькой говорили:

— Мы за тебя просить будем, мы на коленки станем и будем плакать, чтоб папа не отдавал.

И это всё потому, что Танька выдумала к Варьке подложить Пудю. А Варькина кровать стояла на полу, в углу, на бумажном коврикe. Вот Ребик и нанюхал Пудю.

Принесли мы ему пить. Он лакнул два раза и бросил. Танька заревела:

— Он чует, чует!

А я стал ей про живодёрню рассказывать. Я сам не знал, а так прямо говорю:

— Двое держат, а один режет. — И показал на Ребика рукой, как режут.

Танька залилась.

— Я скажу, я скажу, что мы!.. Скажем... Хоть на коленки станем, а скажем.

И всё ревёт, ревёт... Я сказал:

— Скажем, скажем. Только чтоб Ребика не отдавали. Не дадим.

И мы так схватились за Ребика, что он взвизгнул.

А время обеда приближалось, и вот уж скоро должен прийти папа со службы. Мама вернулась из города с покупками.

— Не сидите на грязном полу. И не возитесь с собакой — блох напустите.

Мы встали и уселись на подоконнике над Ребичкой и всё смотрели на дверь в прихожую. Решили, как

папа придёт, сейчас же просить, а то потом не выйдет. Таньку послали мыть заплаканную морду. Она скоро: раз-два, и сейчас же прибежала и села на место. Я тихонько гладил Ребика ногой, а Танька не доставала. На стол уже накрыли, свет зажгли и шторы спустили. Только на нашем окне оставили: на шнурке папа повесил Пудю, и никто не смел тронуть.

Позвонили. Мы знали, что папа. У меня сердце забилось. Я говорю Таньке:

— Как войдёт, сейчас же на пол, на колени, и будем говорить. Только вместе, смотри. А не я один. Говори: «Папа, прости Ребика, это мы сделали!»

Пока я её учил, уж слышу голоса в прихожей, очень весёлые, и сейчас же входит важный, а за ним папа.

Важный сделал шаг и стал улыбаться и кланяться. Мама к нему спешила навстречу. Я не знал, как же при важном — и вдруг на колени? И глянул на Таньку. Она моментально прыг с подоконника, и сразу бац на коленки, и сейчас же в пол головой, вот как старухи молятся. Я соскочил, но никак не мог стать на колени. Все глядят, папа брови поднял.

Танька одним духом, скороговоркой:

— Папа, прости Ребика, это мы сделали!

И я тогда скорей сказал за ней:

— Это мы сделали.

Все подошли:

— Что, что такое?

А папа улыбается, будто не знает даже, в чём дело.

Танька всё на коленках и говорит скоро-скоро: